

Преподобная Елена Дивеевская

В Ардатовском уезде Нижегородской губернии, в родовом имении — селе Нуче жили сироты брат с сестрой, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич состоял на военной службе и много лет служил в Лифляндии. Там он женился на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но вскоре сильно заболел, принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича имела решающее влияние на его жизнь. Лучшие доктора затруднялись определить причину и свойства заболевания. Скоро всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна и осталось уповать только на милость Божию. Молва о святой жизни батюшки Серафима Саровского, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающий характер, так что у Михаила Васильевича начали выпадать кусочки костей из ног, он по совету близких и знакомых решил ехать к преподобному Серафиму. С большим трудом он был приведен своими крепостными людьми в сени келии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка Серафим вышел и милостиво спросил его: «Что пожаловал, посмотреть

на убогого Серафима?» Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить исцелить его от мучительного недуга. С живейшим участием и любовью отец Серафим выслушал его и трижды спросил: «Веруешь ли ты Богу?» И трижды получив в ответ самое искреннее и горячее уверение в безусловной вере в Господа, великий старец сказал: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем преподобный посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келию, откуда спустя немного времени вышел, неся освященный елей. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись помазать их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаила Васильевича и надел на них чулки из посконного холста. После этого он вынес из келии большое количество сухарей, высыпал их в фалды сюртука Мантурова и приказал идти с этой ношей в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в реальности свершившегося с ним чуда, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут назад он был не в состоянии войти в сени отца Серафима без посторонней помощи, а тут вдруг по слову святого старца нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в

ноги батюшке, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» После этого отец Серафим отпустил его.

Прошло время. Болезнь Михаила Васильевича не напоминала о себе, однако он решил еще раз съездить к отцу Серафиму, чтобы принять его благословение. Дорогой Мантуров размышлял: «Ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа...» Когда он приехал в Саров и вошел к отцу Серафиму, великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивляясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?» Тогда отец Серафим, взглянув на него по-особенному, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Мантуров смутился. Тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное. Он задумался о том, что он не один: имеет и молодую жену, и сестру, и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев его мысли, добавил: «Оставь все и не пекись,

о чем ты думаешь. Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь, хлеб же насущный всегда будешь иметь». Горячий, впечатлительный и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всех на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались как близкие друзья.

В 1821 году сестре Михаила Васильевича Елене Васильевне минуло 17 лет и она стала невестой. Успокоенный с этой стороны, Михаил Васильевич не видел более препятствий удалиться от мира и служить всецело Господу и преподобному Серафиму. Но намерения Елены Васильевны внезапно изменились. Искренне и горячо любя своего жениха, она неожиданно его отвергла, сама того не понимая: «Не знаю почему, не могу понять, — говорила она брату, — он мне не дал повода разлюбить себя, но, однако, страшно мне опротивел!» Свадьба расстроилась.

Вскоре скончался давно потерянный из виду единственный богатый родственник Мантуровых, отец их матери. Находясь при смерти, дедушка через газеты вызвал внуков к себе, дабы передать им свое состояние. Михаила Васильевича в то время не было дома, и, чтобы не замедлить, Елене Васильевне

пришлось ехать одной с дворовыми людьми. Не откладывая, она отправилась, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, она заболела горячкой и, как только немного окрепла, отправилась в обратный путь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, и Елена Васильевна, пожелав выпить чая, послала людей распорядиться. Ее уговаривали отдохнуть в почтовой комнате, но она уступила только в том, что пообещала пить чай на станции, а пока его готовили, осталась сидеть в карете. Не смея более прекословить своей госпоже, люди поспешно занялись приготовлением чая, и когда пришло время, горничная послала лакея просить барышню к столу. Едва успел лакей спуститься по лестнице к подъезду станции, как вскрикнул и замер на месте, увидев Елену Васильевну. Она стояла во весь рост, наклонившись назад, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты, и на ее лице выражался такой ужас и страх, что неммыслимо передать это словами. Онемевшая от испуга, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах; казалось, еще момент — и она упадет на землю замертво. Лакей и сбежавшиеся на его крик люди бросились на помощь Елене Васильевне, бережно взяли ее и внесли в комнату. Пробовали узнать, в чем дело, расспрашивали ее, но Елена Васильевна оставалась в оцепенении от охватившего ее ужаса. Горничная, предполагая, что барышня умирает, сказала: «Не

позвать ли вам священника?» После того, как она несколько раз повторила этот вопрос, Елена Васильевна начала приходить в себя и даже с радостной улыбкой, уцепившись за девушку и словно боясь ее отпустить, прошептала: «Да... да...» Когда пришел священник, Елена Васильевна была уже в сознании, язык и рассудок действовали по-прежнему; она исповедалась и причастилась Святых Таин. Затем целый день не отпускала от себя священника и в страхе, от которого еще не успела оправиться, держалась за его одежду. Успокоившись от всего происшедшего, Елена Васильевна поехала домой, где рассказала брату и невестке следующее: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но, лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя, и пасть эта казалась такою большою, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мною вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но, наконец, вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: „Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!” Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез...»

Михаил Васильевич долго не мог прийти в себя, узнав о случившемся с его сестрой, а чудно спасенная от

врага рода человеческого Елена Васильевна совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезной, духовно настроенной, стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к отцу Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка крайне удивил ее, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь! Нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» «Что это вы, батюшка! — испуганно возразила Елена Васильевна. — Ни за что не пойду замуж, я не могу: дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня!» «Нет, радость моя, — продолжал старец, — отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты и не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!» «Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж!» — возражала Елена Васильевна. Но старец стоял на своем и твердил одно: «Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!» Елена Васильевна уехала недовольная, огорченная и, вернувшись домой, много молилась и плакала, прося у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение святых отцов. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в

ней желание посвятить себя Богу. Много раз она проверяла себя и более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к отцу Серафиму, но он все твердил одно: она должна выйти замуж. Так целых три года готовил ее святой старец к предстоящей перемене в жизни и к поступлению в Мельничную общину, которую он начал устраивать в 1825 году, и заставлял работать над собой, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Елена Васильевна, конечно, этого не понимала.

Однажды отец Серафим сказал Елене Васильевне в духовном смысле следующее: «И даже вот что еще скажу тебе, радость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скоро. Ты слишком скоро, радость моя, а это не годится: будь тогда ты потише. Вот как ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а все потихоньку да потихоньку! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь!» И, показав при этом видимым примером, как должно ходить осторожно, продолжал: «Во, радость моя! Также и поднимать, если тебе что случится, не надо так, вдруг, скоро и сразу, а во так, сперва понемногу нагибаться, а потом, точно так же, все понемногу же, и разгибаться», — снова видимым примером показал отец Серафим и прибавил: «Тогда благополучно и снесешь!» Этими словами старец привел Елену Васильевну в отчаяние. Сильно негодуя на него, она решила не обращаться более к нему и съездить в Муром в женский монастырь. Там игуменья сказала

ей только приятное, и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келию. По возвращении домой она стала собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со отцом Серафимом. Каково же было ее изумление, когда вышедший ей навстречу старец, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги, и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!» Прозорливость старца, доказывавшая его святость, обезоруживала каждого приходившего к нему и действовавшего по своей воле. Сердце невольно привязывалось к такому праведнику, и Елена Васильевна почувствовала, что без отца Серафима все-таки нельзя ей жить, тем более что в Муроме не у кого будет спрашивать наставления и совета. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю деньги за келию и не ездить более туда. На этот раз Елена Васильевна не почувствовала отчаяния, напротив, вполне смирилась, возвратилась домой, и опять заперлась в своей комнате, из которой почти не выходила уже целых три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешенная от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась — никому не было известно, но неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько серьезно трудилась она, стремясь к духовному совершенствованию. Разразилась

страшная гроза вблизи дома, в котором жили Мантуровы; все собрались в комнате Елены Васильевны, где теплилась лампада, горели свечи и она спокойно молилась. Вдруг, во время одного из страшных ударов молнии, в углу, где находились святые образа, под полом раздался совершенно неестественный и отвратительный крик, как бы кошки. Крик был столь силен, неприятен и неожидан, что Михаил Васильевич, его жена и все, находившиеся в комнате, невольно бросились к киоту, перед которым молилась Елена Васильевна. «Не бойтесь, братец! — сказала она спокойно. — Чего испугалась, сестрица? Ведь это диавол! Вот, — прибавила она, сотворив знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик, — вот и нет его. Разве он что-либо может!» Действительно, тотчас водворилась полная тишина.

Когда Елена Васильевна вновь поехала в Саров, то стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвиг монашества. На этот раз отец Серафим сказал ей: «Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди. Вот за двенадцать верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафии Симеоновны, полковницы Мельгуновой. Погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в неизреченной радости поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и навсегда поселилась в Дивееве. За теснотой помещения она заняла крошечный чуланчик около маленькой келии, которая выходила крылечком к западной стене Казанской церкви. Часто и подолгу Елена Васильевна сидела на

этом крылечке молча, погруженная в думу, в немом созерцании храма Божия и премудро созданной природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Тогда, в 1825 году, ей было двадцать лет.

Через месяц после приезда Елены Васильевны в Дивеево батюшка Серафим призвал ее к себе и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Испуганная Елена Васильевна зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но отец Серафим успокоил ее, сказав: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то Ксении Михайловне, что отец Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежку одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!» Долго и усладительно беседовал с Еленой Васильевной отец Серафим, говоря: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения. Тут матушка Агафия Симеоновна в мощах почивает. Ты ходи к ней каждый вечер; она тут каждый день ходила, и ты подражай ей так же, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу. Вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утреней отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая

сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы и то “аки с трудом”, а станут много спрашивать, отвечай: „Я не знаю“. Если случайно услышишь, что кто бесполезное между собой говорит, скорее уходи, „дабы не внити во искушение“. Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную!“, а от обеда до сна: „Пресвятая Богородице, спаси нас!“ Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепишь лишь и больше мужайся; так молитвой, вечно-неразлучной молитвой и приготовляй все. Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; чрез три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда!

Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: „Се раба Господня! Буди Мне по глаголу твоему!” Тогда вот и ты скажи так же: „Буди мне по глаголу Твоему!” Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!»

Батюшка Серафим благословляет Елену Мантурову умереть за своего брата.

Роспись Казанской церкви Дивеевской обители
Не помня себя от радости, Елена Васильевна вернулась в Дивеево и, надев монашескую одежду, стала с еще большим усердием нести прежние подвиги, пребывая в непрестанной молитве и совершенном молчании. Поскольку ее маленькая келия была беспокойна, переполнена сестрами, то

батюшка Серафим благословил Михаила Васильевича Мантурова построить ей небольшую келию, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей ее. После смерти Устиньи с Еленой Васильевной жили две послушницы: Агафия и Ксения Васильевна.

В дальнейшем батюшка Серафим пожелал назначить Елену Васильевну начальницей Мельничной обители. Так, перед постройкой своим девушкам «мельницы-питательницы», как всегда называл ее старец, он призвал священника Василия Садовского, который застал отца Серафима в грусти и скорби сидящим у источника. Вздыхая, батюшка произнес: «Старушка-то (то есть матушка Ксения Михайловна) у нас плоха! Кого бы нам вместо нее-то, батюшка?!» «Кого уже вы благословите...» — ответил недоумевающий отец Василий. «Нет, ты как думаешь?! — переспросил старец. — Кого: Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?» Но отец Василий и на этот вторичный вопрос батюшки ответил: «Как вы благословите, батюшка». «Вот то-то, я и думаю Елену-то Васильевну, батюшка; она ведь словесная! Вот потому я и призвал тебя. Так ступай-ка ты, да и присылай ее ко мне», — сказал отец Серафим.

Елена Васильевна была образована, но преподобный Серафим, назвав ее «словесною», разумел, по видимому, иное и употребил это слово в значении, которое оно имеет в святоотеческих писаниях. В «Добротолубии», в «Увещаниях о нравах человеческих и благом житии» преподобного Антония Великого

читаем: «Не суть же словеснии, изучившиеся наукам и книгам древних мудрецов, но словесную имуще душу, и могущии рассуждати, что есть добро и что есть зло, и лукавых и душевредных убегающии, благим же и душеполезным тщательно поучающиися, и сия творящии со многим благодарением Богу... Истинно словесный человек о едином тщится, сиречь, еже повиноватися и угождати Богу всех, и сему точию поучати душу свою, яко да благоугодит Богу, благодаря за таковой и толикий Промысл Его, и управление всех тварей, во всяком приключении житейском».

Когда Елена Васильевна пришла к батюшке, он в восторге объявил ей, что она должна быть начальницей его обители. «Радость моя! — сказал отец Серафим. — Когда тебя сделают начальницей, то тогда, матушка, праздник будет великий и радость у вас будет велия! Царская фамилия вас посетит, матушка!» Елена Васильевна страшно смутилась. «Нет, не могу, не могу я этого, батюшка! — ответила она прямо. — Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницей — не желаю и не могу я быть, батюшка!» Несмотря на это, отец Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и он перевел в нее семь первых девушек, приказал им во всем благословляться у Елены Васильевны и относиться к ней как к начальнице, хотя она продолжала жить в Казанской церковной общинке и оставалась в ней до самой кончины. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что

даже и перед смертью она твердила, как бы в испуге: «Нет, нет, как угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, послушать его в этом никак не могу!» Однако отец Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, всегда называл: «Госпожа ваша! Начальница!» Елена Васильевна исполняла также многие трудные послушания и особые поручения преподобного.

Елена Васильевна, несмотря на то, что считалась начальницей Мельничной обители, всегда трудилась и несла послушания наравне с другими сестрами. После того, как батюшка Серафим благословил сестер копать Канавку по указанию Царицы Небесной, он говорил приходящим к нему сестрам, указывая на ее старание и труды: «Во, матушка, начальница-то, госпожа-то ваша, как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Необыкновенно отзывчивая от природы, Елена Васильевна много добра творила тайно. Так, например, зная нужду многих бедных сестер и нищих людей, она неприметным образом раздавала им все, что имела и что получала от других. Бывало, идет мимо, даст кому-нибудь что-либо и скажет: «Вот, матушка, такая-то просила меня передать тебе!» Вся пища Елены Васильевны заключалась обыкновенно в печеном картофеле и лепешках, которые висели у нее на крылечке в мешочке. Сколько их ни пекли —

всегда не хватало. «Что за диво! — говорила, бывало, ей сестра-стряпуха. — Что это, матушка, ведь я смотри-ка сколько лепешек тебе наложила, куда же девались они? Ведь эдак-то и не наготовишься!» «Ах, родная, — кротко ответит ей Елена Васильевна, — ты уж прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что же делать — слабость моя: уж очень я люблю их, вот все и поела!» Спала она на камне, прикрытом простеньким ковриком.

После освящения храмов, пристроенных к Казанской церкви на средства Михаила Васильевича Мантурова (в честь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы), батюшка Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризницей. Для этого он попросил саровского иеромонаха отца Илариона постричь ее в рясофор. Отец Серафим надел ей под камилавочку шапочку, сшитую из его поручей. Вскоре, призвав духовника обители отца Василия, Елену Васильевну и ее послушницу Ксению Васильевну, старец строго заповедал им особый церковный порядок. Тогда же он дал следующую заповедь: «В верхней церкви Рождества Христова постоянно, денно и ночью гореть неугасимой свече у местной иконы Спасителя, а в нижней Рождества Богоматери церкви неугасимо же денно и ночью теплиться лампаде у храмовой иконы Рождества Богоматери. Денно и ночью читать Псалтирь, начиная с царской фамилии и за всех благотворящих обители, в этой же самой нижней церкви, двенадцатью на то нарочито определенными и перемежающимися по часу сестрами, а в воскресенье

неопустительно всегда перед литургией служить Параклис Божией Матери весь нараспев, по ноте». Батюшка добавил: «Она (неусыпаемая Псалтирь) вечно будет питать вас! И если эту заповедь мою исполните, то все хорошо у вас будет и Царица Небесная никогда не оставит вас. Если же не исполните, то без беды беду наживете».

Матушка Елена Васильевна старалась исполнить все, до наималейшего, заповеданное ей отцом Серафимом. Она безвыходно пребывала в церкви, читала по шести часов кряду Псалтирь, так как мало было грамотных сестер, и поэтому ночевала в церкви, немного отдыхая на камне где-нибудь в сторонке, на кирпичном полу. С ней чередовалась в чтении ее послушница Ксения Васильевна, и, когда наступала очередь Елены Васильевны, то она, боясь оставаться в церкви одна, бывало, просила Ксению лечь у себя в ногах, у аналая, говоря ей: «Не спи, Ксеньюшка, Бога ради, а то я боюсь, уснешь ты, я одна и останусь!» «Не стану, матушка, не стану!» — отвечала ей Ксения, еще молодая, здоровая и засыпавшая очень быстро после дневного утомления. Увидя Ксению спящей, Елена Васильевна пугалась, начинала бранить ее и сердиться. «Ведь вот ты какая, — говорила Елена, — как я тебя просила!»

Боязнь рождалась в Елене Васильевне не без основания, так как враг рода человеческого, не терпящий в людях добродетели, пугал ее. Так, однажды, когда она читала в церкви, Ксения уснула. Вдруг с верхней паперти кто-то пустился бегом по

лестнице прямо к нижней двери, ворвался в церковь, где она молилась, и произвел такой шум, грохот и треск, что даже спящие сестры вскочили. Елена Васильевна помертвела и упала в обморок. Сестры кинулись к ней, еле привели бедную в чувство, но затем с ней все-таки сделался припадок. В другой раз Елена Васильевна лежала и дремала, а Ксения справляла свою череду. Когда же Ксения окончила, то, не желая будить Елену Васильевну, тихонько затушила свечу и прилегла возле нее. Была лунная ночь. Вдруг, проснувшись, Елена Васильевна увидела, что кто-то, с распущенными волосами, вышел из алтаря и стал молиться у ее изголовья... «Видно, Ксения!» — подумала она, стараясь себя успокоить, но в это время услышала, как лежавшая возле нее Ксения вздохнула. Елена Васильевна вся затряслась от испуга. Видение притягивало ее взор, и луна освещала молящуюся фигуру у изголовья. Елена Васильевна хотела подняться, вскрикнуть, но не могла и замерла... Когда проснулась Ксения, никого не было, а несчастная Елена Васильевна лежала в обмороке. Однажды во время дневного чтения Псалтири Елена Васильевна увидела, как из алтаря вышла девушка необыкновенной красоты, с распущенными волосами, остановилась перед Царскими вратами, помолилась неспешно и исчезла в боковую же дверь. Как-то раз днем Елена Васильевна была одна в церкви, читала Псалтирь накануне большого праздника и услышала стук в запертую дверь церкви, повторившийся несколько раз. Полагая, что это стучится пришедшая ей на смену

сестра, она отворила дверь и тут же упала, так как перед ней стоял кто-то в саване. Все это, часто повторявшееся, заставило Елену Васильевну нарочно сходить к батюшке Серафиму и попросить его указания, заступления и молитвы. Отец Серафим утешил, ободрил ее, но навсегда запретил оставаться в церкви одной. С тех пор ничего подобного уже не случилось.

После сооружения Рождественских церквей в Дивееве батюшка Серафим занялся приобретением земли под будущий собор, о котором он много предсказывал. Для этого он повелел Михаилу Васильевичу Мантурову вымерить и отметить землю, принадлежавшую в чрезполосном владении господину Жданову, недалеко от Казанской церкви. Затем он поручил Елене Васильевне съездить к господину Жданову и купить у него эту землю за триста рублей, которые батюшка и передал ей. «Святой царь Давид, — сказал отец Серафим Елене Васильевне, — когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мориа, то гумно Орны туне не принял, а заплатил цену; так и здесь Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить. Я бы мог выпросить земли, но это Ей не угодно! Поезжай в город Темников к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный акт на землю!» Елена Васильевна поехала со старицей Ульяной Григорьевной и, выполнив поручение, возвратилась к отцу Серафиму с купчей. Батюшка пришел в неописуемый восторг и, целуя бумагу, воскликнул: «Во, матушка, радость-то

нам какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!» И приказал, чтобы купчая бережно хранилась у Елены Васильевны, а после ее смерти была передана Михаилу Васильевичу. Впоследствии на этой земле в 1848 году был заложен, а к 1875 году построен и освящен собор в честь Пресвятой и Живоначальной Троицы.

По благословению батюшки Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей и на вырученные деньги купил 15 десятин земли для Дивеевской обители и построил Рождественские храмы. На приобретенной земле Михаил Васильевич поселился с женой и стал жить, терпя нужду. Он переносил множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от жены-лютеранки Анны Михайловны — вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не терпевшей бедности, весьма несдержанного и горячего характера, хотя в общем хорошей и честной особы. Всю жизнь чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок, но переносил их кротко, безропотно, с благодушием — по любви и необычайной своей вере к святому старцу, которого во всем беспрекословно слушался. Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником отца Серафима и самым близким, любимейшим его другом. Батюшка Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, называл его не иначе как «Мишенька» и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному. Все знали это и свято

чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как распорядителю самого батюшки.

Преподобный Серафим очень горячо любил и во всем послушную ему Елену Васильевну, но Божиим Промыслом суждено было ему еще при жизни своей потерять ее. Кончина и последние дни жизни этой великой рабы Божией поистине замечательны.

Елена Васильевна незадолго до своей смерти стала предчувствовать, что батюшке Серафиму недолго осталось жить. Поэтому она часто говорила со скорбью окружающим: «Наш батюшка ослабевает — скоро, скоро останемся без него! Навещайте сколь возможно чаще батюшку: недолго уже быть нам с ним! Я уже не могу жить без него и не спасусь: как ему угодно, не переживу я его; пусть меня раньше отправят!» Однажды она сказала это и отцу Серафиму. «Радость моя, — ответил батюшка. — А ведь служанка-то твоя ранее тебя войдет в Царствие-то, да скоро и тебя с собой возьмет!» Действительно, любившая ее и не желавшая расстаться с ней крепостная девушка Устинья заболела чахоткой. Ее мучило, что она по болезни занимает место в маленькой и тесной келии Елены Васильевны, и она постоянно повторяла: «Нет, матушка, я уйду от тебя: нет тебе от меня покоя!» Но Елена Васильевна уложила Устинью на лучшее место, никого не допускала ходить за ней и сама служила ей от всего сердца. Перед смертью Устинья сказала Елене Васильевне: «Я видела чудный сад с необыкновенными плодами... Мне кто-то и говорит:

этот сад общий твой с Еленой Васильевной, и за тобой скоро она придет в этот сад!» Так и случилось.

Находясь по благословиению отца Серафима в имении генерала Куприянова, Михаил Васильевич Мантуров заболел злокачественной лихорадкой и написал Елене Васильевне письмо с поручением спросить батюшку, как ему излечиться. Отец Серафим приказал ему разжевать горячий мякиш хорошо испеченного ржаного хлеба и тем исцелил его. Но вскоре он призвал к себе Елену Васильевну, которая явилась в сопровождении церковницы Ксении Васильевны, и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание. Исполнишь ли его, матушка?» «Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать!» «Во, во, так, радость моя! — воскликнул старец и продолжал: — Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас и пришло время ему умирать. Умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» «Благословите, батюшка!» — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто спокойно. Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце, о смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна слушала все молча, но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! Я боюсь смерти!» «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! — ответил старец. — Для нас с тобою будет лишь вечная радость!»

Елена Васильевна простилась с отцом Серафимом, но лишь шагнула за порог келии — тут же упала. Ксения Васильевна подхватила ее. Батюшка Серафим приказал положить Елену Васильевну на стоявший в сенях гроб, принес святой воды, окропил ее, дал напиться и этим привел в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!»

По рассказам очевидцев, ее кончина была необыкновенной. В первую же ночь она увидела знаменательный сон. На месте дивеевской Казанской церкви была как бы площадь или торжище, и на ней великое множество народа. Вдруг народ расступился перед двумя воинами, которые подошли к Елене Васильевне. «Иди с нами к Царю! — сказали они ей. — Он тебя к Себе призывает!» Она повиновалась и пошла за воинами. Ее привели к месту, на котором восседали необычайной красоты Царь и Царица, Которые, приняв ее смиренный поклон, сказали: «Не забудь 25-го числа: мы тебя к Себе возьмем!» Проснувшись, Елена Васильевна рассказала всем свой сон и приказала записать число. Только тремя днями она пережила его.

За несколько дней болезни Елена Васильевна особоровалась и часто приобщалась Святых Таин. Ее духовник, отец Василий Садовский, видя ее слабость, посоветовал было написать брату Михаилу Васильевичу, который сильно ее любил, но она ответила: «Нет, батюшка, не надо! Мне будет жаль их,

и это возмутит мою душу, которая уже не явится ко Господу такой чистой, как то подобает!»

Трое суток перед кончиной Елена Васильевна была постоянно окружена видениями, и людям, не понимавшим этого, могло казаться, что она в забытьи. «Ксения! Не накрыть ли стол-то? Ведь гости скоро будут!» Ксения Васильевна тотчас исполнила желание умирающей, накрыв стол белой, чистой скатертью. «Смотри же, Ксения, — твердила Елена Васильевна, — чтобы все, все у тебя было чисто, как возможно чисто!» Когда же она увидела, что все исполнено, поблагодарила и произнесла: «Ты, Ксения, не ложись, а Агафии Петровне вели лечь... И ты не садись смотри, Ксения, а так, постой немного!» Вдруг, вся изменившись в лице, она радостно воскликнула: «Святая Игуменья!.. Матушка, обитель-то нашу не оставь!..» Долго-долго со слезами молила умирающая об обители и много, но несвязно говорила, а затем затихла. Немного погодя она позвала Ксению, сказав: «Где же это ты? Смотри, еще гости ведь будут!..» Потом вдруг воскликнула: «Грядет! Грядет!.. Вот и Ангелы!.. Вот мне венец и всем сестрам венцы!..» Долго еще говорила она, но опять непонятно. Видя и слыша все это, Ксения Васильевна в страхе воскликнула: «Матушка! Ведь вы отходите! Я пошлю за батюшкой!» «Нет, Ксеньюшка, погодите еще, — сказала Елена Васильевна, — я тогда сама скажу вам!» Много времени спустя она послала за отцом Василием Садовским, чтобы уже в последний раз особороваться и приобщиться Святых Христовых Таин.

Житийный образ св. прп. Елены (Мантуровой)

Во время исповеди, как записал отец Василий, умирающая поведала, какого видения и откровения она была однажды удостоена. «Я не должна была ранее рассказывать это, — объяснила Елена Васильевна, — а теперь уже могу! В храме я увидела в раскрытых Царских дверях величественную Царицу неизреченной красоты, Которая, призывая меня ручкой, сказала: „Следуй за Мной и смотри, что покажу тебе!” Мы вошли во дворец; описать красоту его при полном желании не могу вам, батюшка! Весь он был из прозрачного хрусталя, а двери, замки,

ручки и отделка — из чистейшего золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Только подошли мы к дверям, они сами собой отворились, и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были все запертые двери. Приблизясь к первым дверям, которые тоже при этом сами собой раскрылись, я увидела огромный зал; в нем были столы, кресла, и все это горело от неизъяснимых украшений. Он наполнялся сановниками и необыкновенной красоты юношами... Когда мы вошли, все молча встали и поклонились в пояс Царице. „Вот, смотри, — сказала Она, указывая на всех рукой, — это Мои благочестивые купцы...” Предоставив мне время рассмотреть их хорошенько, Царица вышла, и двери за нами затворились сами собой. Следующий зал был еще большей красоты; весь он казался залитым светом! Он был наполнен одними молодыми девушками, одна другой лучше, одетыми в платья необычайной светлости и с блестящими венцами на головах. Венцы эти различались видом, и на некоторых было надето по два и по три. Девушки сидели, но при нашем появлении все встали молча, поклонились Царице в пояс. „Осмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе“, — сказала Она мне милостиво. Я стала рассматривать указанную мне одну сторону зала, и что же, вдруг вижу, что одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня! — говоря это, Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потом продолжала: — Эта девица, улыбнувшись, погрозила мне! Потом, по указанию Царицы, я начала

рассматривать другую сторону зала и увидела на одной из девушек такой красоты венец, такой красоты, что я даже позавидовала! — проговорила Елена Васильевна, вздохнув... — И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшие в обители, и теперь еще живые, и будущие! Но называть их не могу, ибо не велено мне говорить. Выйдя из этого зала, двери которого за нами сами же затворились, подошли мы к третьему входу и очутились снова в зале несравненно менее светлом, в котором также были все наши же сестры, как и во втором, бывшие, настоящие и будущие; тоже в венцах, но не столь блестящих, и называть их мне не приказано. Затем мы перешли в четвертый зал, почти полумрачный, наполненный все также сестрами, настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали; иные были скорчены болезнью, и без всяких венцов, со страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала как бы печать болезни и невыразимой скорби. „А это нерадивые! — сказала мне Царица, указывая на них. — Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда не могут уже радоваться!” Ведь тоже все наши сестры, батюшка, но мне запрещено называть их!» — объяснила Елена Васильевна и горько заплакала. Когда отец Василий, причастив Елену Васильевну, ушел из келии, она сказала Ксении: «Вынесите сейчас же от меня икону Страстной Божией Матери в церковь! Эта икона чудотворная!» (Икона была на время перенесена в келию из церкви.) Сестры молча выслушали приказание, но оно показалось им странным, и они не исполнили его,

полагая, что Елена Васильевна говорит в бреду или в забытьи, но умирающая, быстро поднявшись и строго посмотрев на послушниц, сказала с упреком: «Ксения! Всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь перед смертью это делаешь! Я вовсе не в бреду, как вы это думаете, а говорю вам дело! Если вы икону теперь не вынесете, то вам не дадут уже вынести ее, и она упадет! Вот вы не слушаете, а после сами же будете жалеть!» И едва успели вынести икону, как ударили к обедне. «Сходи-ка, Ксения, к обедне,— проговорила Елена Васильевна, — да помолись за всех нас!» «Что это вы, матушка, — испуганно сказала Ксения Васильевна, — а вдруг...» («...умрете вы!» — хотела было сказать она). Но Елена Васильевна, не дав ей договорить, произнесла: «Ничего, я дождусь!» — и, когда Ксения вернулась после обедни, встретила ее словами: «Вот видишь ли, я сказала, что дождусь, и дождалась тебя!» Потом, обращаясь ко всем, сказала: «За все, за все благодарю вас! И вы меня все Христа ради простите!» Ксения, видя, что Елена Васильевна вдруг вся посветлела и отходит, в испуге бросилась к ней и стала молить: «Матушка... Тогда... Нынче ночью-то, я не посмела тревожить и спросить вас, а вот теперь вы отходите... Скажите мне, матушка, Господа ради скажите, вы видели Господа?!» «Бога человеком невозможно видеть, на Него же не смеют чини ангельские взирати!» — тихо и сладко запела Елена Васильевна, но Ксения продолжала молить, настаивать и плакать. Тогда Елена Васильевна сказала: «Видела, Ксения, — и лицо сделалось восторженным, чудным, ясным, — видела, как

неизреченный Огонь, а Царицу и Ангелов видела просто!» «А что же, матушка, — спросила опять Ксения, — а вам-то что будет?» «Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, — произнесла смиренная праведница, — Он не оставит!» Затем она начала говорить о церкви, как и что должно делать, чтобы она была всегда в порядке, и заторопила послушниц: «Собирайте меня скорее, скорее, не отворяя двери! Выносите сейчас же в церковь! А то сестры вам помешают и не дадут собрать!» «Поздно, матушка, не успеем до вечерни», — отвечала ей Ксения. «Нет, нет, успеем еще! — как бы торопясь, говорила Елена Васильевна. — Как я говорю, так и делайте! Слушайтесь, да скорее, а то Бог накажет! Спыхватитесь после, да уже поздно будет, не воротите!» И сестры стали ее спешно убирать. «Ох! Ксения! Ксения! Что это? — вдруг воскликнула она, испуганно прижавшись к послушнице. — Что это?! Какие два безобразные! Это враги!.. Ну, да эти вражие наветы уже ничего мне не могут теперь сделать!» Затем совершенно спокойно она потянулась и скончалась.

Справедливо настаивала праведная на том, чтобы заперли двери и приготовили ее, еще живую, к положению во гроб, чтобы немедленно по смерти вынести в церковь, потому что едва лишь успели это исполнить, как сестры, чрезвычайно любившие Елену Васильевну, узнав о ее кончине, вломились со страшным воплем в двери крошечной келии, препятствуя положить ее в присланный за трое суток батюшкой Серафимом гроб, выдолбленный из целого

дуба. В это время начали звонить к вечерне, и гроб с телом Елены Васильевны вынесли в церковь. Перед смертью на нее надели рубашечку преподобного Серафима, платок и манатейную ряску, обули башмаки, в руки вложили шерстяные четки; поверх покрыли черным коленкором. Волосы ее, всегда заплетенные в косу, покрыли шапочкой из батюшкиных поручей, которую старец надел ей после пострижения, и платочком. Матушка Елена скончалась 27-ми лет от рождения, прожив в Дивеевской обители всего семь лет. Она была чрезвычайно приятной наружности: высокого роста, круглолицая, с быстрыми черными глазами и черными же волосами.

В час кончины матушки Елены преподобный Серафим, провидев духом происшедшее, поспешно и радостно посылал работавших у него в Сарове сестер в Дивеево, говоря: «Скорее, скорее грядите в обитель: там великая госпожа ваша отошла ко Господу!»

Преподобная Елена скончалась 28 мая/10 июня 1832 года, накануне праздника Пятидесятницы. На другой день, в праздник Святой Троицы, во время заупокойной литургии и пения Херувимской песни, воочию всех предстоявших в храме почившая монахиня Елена, как живая, трижды радостно улыбнулась в гробе.

Матушку Елену похоронили справа от могилы первоначальницы матушки Александры, вблизи Казанской церкви. В могиле, выкопанной на этом месте, не раз собирались хоронить многих мирских

людей, но матушка Александра, как бы не желая этого, каждый раз совершала чудо: могилу заливало водой и хоронить становилось невозможным. При погребении же матушки Елены могила осталась сухой.

Рака с мощами св. прп. Елены в Казанской церкви Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря.
Фото В. Алексеева

В третий день по кончине Елены Васильевны Ксения Васильевна, вся в слезах, пошла к батюшке Серафиму. Увидев ее, великий старец невольно встревожился и, тотчас же отсылая Ксению домой, сказал ей: «Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы все сорок дней ежедневно была бы обедня, и как хочешь, в ногах валяйся у батюшки отца Василия, а чтобы обедни были!» Захлебываясь от слез, Ксения Васильевна ушла, а отец Павел, сосед отца Серафима по келии, видел, как батюшка долго-долго ходил растревоженный по своей комнате и

воскричал: «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела: как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились! Она удостоилась сидеть недалеко от Святыя Троицы, аки дева!» Когда Ксения Васильевна, исполняя приказание батюшки Серафима, пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны, то старец радостно сказал: «Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то! Ведь это грех! Мы должны радоваться: ее душа вспорхнула, как голубица, вознеслась ко Святой Троице! Перед ней расступились Херувимы и Серафимы и вся Небесная сила! Она прислужница Матери Божией, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться нам, а не плакать должно! Со временем ее мощи и Марии Симеоновны будут почивать открыто в обители, ибо обе они так угодили Господу, что удостоились нетления!»

Из образов, принадлежавших матушке Елене, в обители остались: икона Елецкой Божией Матери 1773 года в серебряно-золоченой ризе (родительское благословение), икона Успения Богоматери в фольге и икона Спасителя, несущего Крест, украшенная по воску разноцветным бисером самой Еленой Васильевной. В настоящее время их местонахождение неизвестно.

На могиле монахини Елены не раз происходили чудеса и исцеления. Эти случаи были записаны до разгона монастыря, но до нас не дошли. Насельницы обители ежедневно ходили на могилку Елены

Васильевны поклониться и помолиться: «Госпожа и мать наша Елено, помяни нас у Престола Божия во Царствии Небесном». И ныне сестры просят ее помощи в повседневных делах и получают просимое.

Еще в 1829 году преподобный Серафим сказал Михаилу Васильевичу Мантурову о церкви Рождества Пресвятой Богородицы: «Во, во радость моя! Четыре столба — четверо мощей!.. Радость-то нам какая, батюшка! Четыре столба — ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!..» В наши дни сбылись пророческие слова преподобного Серафима Саровского: преподобная Елена почивает в мощах в церкви Рождества Пресвятой Богородицы вместе с преподобной Александрой, первоначальницей Дивеевской обители, и преподобной Марфой. В 2000 году все они были причислены к лику местночтимых святых Нижегородской епархии. В 2004 году состоялось их общецерковное прославление.

Память св. прп. Елены 10 июня

*Текст сайта Комиссии по канонизации
Нижегородской епархии*